

Адаптивный пожиратель

Книга VI

Гладких Валентин

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 6

«Автор»

2026

Гладких В.

Адаптивный пожиратель 6 / В. Гладких — «Автор», 2026

Когда чёрные нити проникают в нижние районы города, оборона превращается в борьбу за воду, воздух и право остаться людьми. Савину приходится действовать далеко от тех, кого он защищает, а Лада и выжившие пытаются удержать город, пока древние системы закрывают заражённые сектора. В темноте уже движется чужая сила, и единственный шанс на помощь — сигнал, который должен пройти туда, где его давно никто не ждал.

© Гладких В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог — Герметизация	5
Глава 1 — Лежать	9
Глава 2 — Ритм	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Адаптивный пожиратель 6

Пролог — Герметизация

Сначала город закрыл воду.

Не весь поток. Только три нижних ветви, уходившие к секторам, где чёрные нити уже проступили сквозь швы стен. Огромные каменные заслонки опустились одна за другой, отделяя чистые каналы от заражённых. Вода ещё несколько минут билась в закрытые створки, потом нашла обходы, пошла по резервным желобам и снова зазвучала в верхних кварталах.

Так система была задумана.

Любое повреждение должно было оставаться местным. Один зал можно было отключить. Один коридор — запереть. Один водный рукав — осушить. Один транспортный узел — оставить без энергии. Город строили так, чтобы отказ одной части не убивал остальные.

Никто не рассчитывал, что повреждение научится ползти.

Через сутки чёрные нити появились по другую сторону первой заслонки.

Не проросли сквозь камень. Они пришли вместе с водой, которую успели перекачать до закрытия. Тонкие, почти прозрачные отростки прятались в серой взвеси и цеплялись за тёплые органические отложения внутри труб. Там они темнели, утолщались, делились. Через несколько часов на внутренней стенке чистого канала уже лежала влажная плёнка.

Вторую ветвь пришлось закрыть выше. Потом третью.

Система продолжала выполнять команды. Кристаллические втулки поворачивались в гнездах, тяжёлые противовесы поднимали створки, транспортные платформы уходили из заражённых секторов пустыми. Свет в нижних галереях гас по одной линии за другой.

Город становился меньше.

Сначала это выглядело как правильная цена.

В центральных переходах ещё работали насосы. В верхних резервуарах хватало воды. По чистым мостам двигались носилки с ранеными и контейнеры с запасами. Закрытые сектора отмечались на огромных рельефных схемах новыми полосами. Толстая линия — проход перекрыт. Двойная — перекрыт навсегда. Круг с тремя расходящимися отметками — внутрь не входить ни при каких условиях.

Знаки множились быстрее свободного места.

Потом начали закрывать воздух.

Не потому, что заражение летало. По крайней мере, вначале никаких подтверждений этому не было. Воздушные каналы перекрывали из осторожности, когда в нескольких помещениях нашли чёрный налёт там, где не было воды.

Позже выяснилось, что вода была не единственным путём.

Заражённые животные переносили нити в крови. Мелкие падальщики растаскивали куски ткани. Некоторые существа уходили в технические трещины раньше, чем внешние признаки становились заметны. Там они умирали. Чёрная масса продолжала расти уже без них, используя влажность, органику и тепло старых механизмов.

Город перестал делиться на чистое и заражённое.

Он начал делиться на то, что ещё проверили, и то, что уже нельзя было проверить.

Один из нижних транспортных колодцев закрыли полностью. Каменная рама опустилась в паз, поверх неё встала вторая, затем механизм развернул внутренние фиксаторы. Со стороны чистого сектора осталась ровная стена.

За ней продолжалось движение.

Сначала удары. Потом скрежет. Через несколько часов — тишина.

Створку больше не открывали.

В других местах пытались иначе. Где-то выжигали заражённую ткань. Где-то заливали каналы едкими растворами. Где-то вручную срезали наросты со стен, пока камень снова не становился серым.

Работало всё.

На время.

Чёрная ткань возвращалась.

Она не строила новые машины и не понимала старые. Не читала знаков. Не открывала двери правильными комбинациями. Ей это было не нужно. Она росла по щелям, ползла вдоль воды, заполняла пустоты вокруг осей. Иногда разбухший нарост случайно тянул рычаг. Иногда перетягивал трос. Иногда мешал противовесу опуститься.

С каждым таким случайным движением город делал что-нибудь, чего от него больше никто не хотел.

Открывал перекрытый канал. Сдвигал платформу. Подавал воду туда, где её не должно было быть.

Самым опасным оказалось не то, что древние механизмы ломались.

Они продолжали работать.

В одном секторе створка, которую считали закрытой, через несколько дней поднялась на ладонь. Этого хватило, чтобы в щель пролезло маленькое заражённое существо. Его убили почти сразу. Но на полу осталась кровь.

Через два дня сектор закрыли уже с обеих сторон.

Карта города потеряла ещё одну линию. Потом ещё одну. Нижние уровни исчезали один за другим.

В конце концов осталось решение, которое изначально считалось невозможным.

Закрыть не сектор.

Город.

Главные транспортные арки остановили первыми. Кристаллические узлы погасли не все сразу: отдельные кольца ещё несколько часов держали слабое свечение, будто не понимали, почему привычная сеть больше не отвечает. Адресные комбинации сняли с активных панелей. Подвижные элементы зафиксировали механическими клиньями.

Внешние ворота опустили. Водные каналы перевели на замкнутые внутренние циклы. Воздушные шахты перекрыли многослойными створками. Последними закрылись вертикальные транспортные пути.

Город оказался отрезан от всего, что лежало снаружи.

Это должно было остановить заражение внутри. Не уничтожить. Только оставить его здесь. На столько времени, сколько потребуется.

Система не знала слова «навсегда».

Механизм знает только положение рычага.

Открыто. Закрыто. Есть давление. Нет давления. Есть энергия. Нет энергии.

Когда последний внешний контур перешёл в режим изоляции, большая часть нижних секторов уже молчала. Не потому, что там ничего не осталось. Просто звуки перестали доходить через десятки закрытых створок.

Верхние галереи ещё жили.

Некоторое время.

Потом закончилась чистая вода в одном резервуаре. Потом в другом. Резервные насосы продолжали работать, но несколько линий были заражены. Их нельзя было открывать.

Свет гас. Транспорт останавливался. Чёрные отметки на схемах больше никто не добавлял.

Последняя рабочая створка между верхним сектором и центральными шахтами закрылась не полностью.

В паз попала тонкая пластина.

Механизм дал усилие. Пластина согнулась, но не сломалась. Створка остановилась в нескольких пальцах от пола. Противовес попытался дотянуть её. Не смог. Внутренний фиксатор остался незамкнутым.

Это была маленькая неисправность.

Одна из тысяч.

В нормальном городе её устранили бы за несколько минут.

Некому было.

Через щель долго не происходило ничего. Пыль легла на пол. Световая линия на стене погасла. Вода в соседнем канале перестала течь.

Потом из темноты показалась тонкая чёрная нить.

Она коснулась края створки. Замерла. Сократилась.

Через несколько минут появилась вторая. Через час — десятки.

Они не пытались поднять створку. Просто заполняли свободное пространство. Обвивали согнутую пластину, проникали в смазочные каналы, ложились вдоль направляющей.

Через несколько дней щель стала чёрной. Через несколько лет — часть стены тоже. Через десятилетия уже невозможно было понять, где заканчивался нарос и начинался старый механизм.

Город остался закрытым.

Внутри него продолжала двигаться жизнь, которую когда-то пытались оставить без будущего.

Она менялась. Поглощала местную фауну. Теряла одни формы и находила другие. Некоторые заражённые существа жили недолго. Другие занимали один сектор поколениями. Чёрная ткань перебрасывала влагу по старым желобам, использовала полости, которые когда-то предназначались для кабелей, и разрасталась вокруг тёплых узлов, где ещё оставалась слабая энергия.

Годы перестали иметь значение.

Створки покрывались минералами. Платформы застывали на половине пути. Кристаллические элементы тускнели, но не все разрушались.

Город был слишком хорошо построен, чтобы умереть быстро.

А заражение оказалось слишком живучим, чтобы умереть вместе с ним.

Они остались друг в друге.

Механизм и организм. Камень и ткань. Остановленное движение и медленный пульс.

Пока однажды наверху не погиб большой зверь.

Удар прошёл по разрушенной платформе. Старая направляющая сдвинулась. Вода нашла трещину, которой раньше не было. Чёрная сеть ответила сокращением.

Далеко от места боя одна из древних осей, стоявшая неподвижно неизвестно сколько времени, повернулась на долю оборота.

Этого не хватило, чтобы что-то запустить.

Но хватило, чтобы изменить нагрузку.

Там, где когда-то последняя створка остановилась на согнутой пластине, минерализованный налёт треснул.

Противовес давно не мог двигаться свободно. Тросы застыли в каналах. Смазка превратилась в сухую плёнку. Чёрные нити заполнили всё вокруг.

И всё же механизм получил новый толчок.

Створка дрогнула. На толщину ногтя.

Чёрная ткань вдоль направляющей сжалась.

Ещё один толчок пришёл через несколько секунд. Створка поднялась чуть выше.

За ней оставалась тьма.

Не пустота.

Другая часть города. Та, которую закрыли раньше остальных.

Холодный воздух прошёл через новую щель и шевельнул сухую пыль на полу. Чёрные нити замерли. Потом одна потянулась внутрь.

В глубине что-то ответило.

Не голосом. Не светом.

Короткой механической дрожью, которая прошла по старому камню и исчезла.

Створка осталась приоткрытой.

На этот раз уже не на несколько пальцев. Чуть больше. Достаточно, чтобы маленькое существо смогло проползти.

Пока никто не полз.

Но город, который когда-то закрывали по частям, впервые за очень долгое время получил новый открытый путь.

И где-то намного выше, на разбитой платформе возле мёртвого Гранитника, лежало живое тело, которое не знало об этом ничего.

Глава 1 — Лежать

Ниже было слишком много движения.

Я смотрел на него ровно столько, сколько мог стоять.

Потом правая нога перестала соглашаться с идеей вертикального положения, таз дёрнуло болью, и мир резко стал ближе к полу. Я успел выставить левый корень. Он удержал корпус, но в месте надрыва вспыхнуло так, будто в него снова вцепились. Пришлось отпустить нагрузку и сесть прямо на край разбитой платформы.

— Всё. Понял.

Правая голень пульсировала внутри мягкой костной муфты. Я выравнивал её ещё в конце боя, но выравнивать не значит вылечить. Обломки держались в правильном положении только потому, что вокруг них уже нарастала временная соединительная ткань. Таз справа был хуже. Там не было одной красивой трещины, которую можно свести и забыть. Несколько повреждённых участков работали как плохо собранный шарнир.

Рёбра отзывались на каждый вдох.

Правый корень заканчивался короткой культёй у бока. Он не болел постоянно. Периодически внутри проходила тупая волна, словно тело проверяло, не появился ли внезапно потерянный кусок. Не появился. Левый сохранился почти целиком, но основание было надорвано и сейчас годилось скорее как третья хромая нога.

Я посмотрел на тушу Гранитника.

Он лежал там, где закончился бой, тяжёлый, перекошенный, уже не опасный. Часть панцирных плит была сорвана, суставные швы вскрыты, под брюхом натекла густая кровь. Обычно после победы первая мысль была простой: ресурс.

Сейчас она звучала немного иначе.

Не еда.

Ремонт.

Я попробовал встать ещё раз.

Не получилось.

Не потому, что силы исчезли. Левая нога тянула. Спина держала. Руки работали. Но правая сторона таза при первой же попытке принять вес сместилась неправильно, и организм мгновенно заблокировал движение спазмом.

Я снова сел.

— Лежать, значит.

Слово прозвучало настолько унижительно, что стало смешно.

Я пережил крушение, шахты, города, чудовищ, людей, которые очень хотели сделать мою жизнь короче, а теперь проигрывал обычной горизонтальной поверхности.

Правда, поверхность хотя бы не кусалась.

Пока.

Нижний сектор оставался впереди и ниже. С разбитой платформы я видел только часть огромного пространства. Дальние стены терялись во тьме. Иногда там вспыхивал слабый влажный отблеск — не настоящий свет, а отражение от чего-то глубже. Чёрная ткань лежала на архитектуре пятнами и тяжами. Местами тонкими, местами толщиной с руку. Далеко внизу двигались крупные силуэты.

Я не пытался понять, какие.

У меня были проблемы ближе.

Пахло Гранитником, моей кровью, мокрым камнем и чёрной массой. Последний запах я уже научился выделять среди остальных: тяжёлый, влажный, с чем-то сладковатым и металли-

ческим одновременно. В маленьких количествах он просто раздражал. Здесь воздух был пропитан им настолько, что слизистая в носу сама стянулась плотнее.

Слизистая умела стягиваться и задерживать слабое раздражение. На что-то большее рассчитывать здесь было бы самоубийством: весь город вокруг слишком наглядно показывал предел этой защиты.

Я отполз от края.

На руках это выглядело жалко. На одной ноге выглядело бы хуже.

Левый корень я вывел коротко и использовал только как страховку. Каждый раз, когда нагрузка уходила глубже к основанию, там появлялась горячая боль. Правую культю не выпускал вообще. Она ещё не была инструментом. Просто закрытая рана с памятью о том, чем раньше являлась.

За тушей Гранитника нашлась боковая ниша между двумя массивными опорами. Вход узкий, внутри пространство расширялось примерно до двух метров. Пол был сухим. На дальней стене чёрной ткани не было. У входа лежал старый обломок транспортной пластины, который можно было сдвинуть и частично прикрыть проход.

Не убежище.

Но уже не открытая платформа.

Я дополз туда и лёг на спину.

Сразу пожалел.

Рёбра возразили.

Перевернулся на левый бок.

Таз возразил.

На живот.

Рёбра снова.

— Ни одного удобного варианта.

В итоге устроился полусидя, прижавшись спиной к наклонной стене и вытянув правую ногу. Левую согнул. Под правое бедро подложил кусок ткани и две тонкие древние пластины, чтобы таз не проваливался наружу.

Пять минут просто дышал.

Медленно.

Короткий вдох.

Пауза.

Выдох.

Организм удерживал лёгкие нормально. Внутренних повреждений, которые прямо сейчас убивали бы меня, не было. Это уже можно считать хорошим утром.

Если здесь вообще было утро.

Я достал всё, что осталось при мне.

Приёмник.

Молчит.

Древняя табличка.

Цела.

Тёмно-серая техническая пластина.

Цела.

Полевые носители с моими царапинами.

Сохранились.

Режущий древний элемент — без нормальной рукояти, но сам край рабочий.

Кислота.

Почти пусто.

Энергия.

Орган под рёбрами отзывался ощущением сухой тяжести. Один слабый контактный импульс я, возможно, ещё смог бы выдать. Возможно. Проверять не собирался.

Костяной магазин.

Пусто до состояния оскорбления.

Я использовал последнее пригодное шило в бою. Минерализованный резерв внутри не исчез полностью, но готового боеприпаса не было. Новый стержень тело сейчас всё равно не вытянет: слишком мало воды, строительного материала и времени на спокойную сборку.

Я посмотрел на Гранитника.

По крайней мере с едой проблема лежала снаружи очень большим куском.

Пришлось двигаться обратно.

На этот раз я не пытался вставать. Подполз к туше, выбрал участок, который в бою не касался чёрной ткани, и начал срезать мясо. Когти работали лучше, чем до поглощения Каменника. Кромка входила чище. Внутренние направляющие предплечий распределяли усилие так, что даже сейчас руки не отзывались старой болью.

Гранитник добавил ещё немного.

Основания когтей стали плотнее. Ударная нагрузка уходила дальше по предплечью. Ноги после его ткани получили чуть лучшую пружину, хотя правая сейчас была слишком сломана, чтобы радоваться этому. Корни точнее меняли жёсткость по длине.

Без сюрпризов. Организм опять сделал старые детали чуть менее плохими.

Я срезал кусок мышцы, проверил поверхность.

Чистая.

Рядом проходила тонкая чёрная прожилка — не внутри мяса, а по наружному слою ткани. Я отступил от неё на несколько сантиметров и вырезал всё сомнительное целиком.

Жадность сейчас была бы особенно глупой.

Первая порция пошла тяжело.

Организм хотел белок, но желудок после боя работал медленно. Я жевал маленькими кусками. Кровь Гранитника была густой и солёной. Часть жидкости фильтрация пропускала. Часть организм отбрасывал как слишком насыщенную продуктами распада.

Вода.

Мало.

Но лучше, чем ничего.

Я пил из чистых тканевых карманов, которые нашёл ближе к брюшной полости. Не настоящие резервуары воды — просто влажная соединительная ткань и кровь. Организм выжимал из неё всё, что мог.

Потом вернулся в нишу.

На этот раз путь занял почти вдвое больше времени.

Мышцы дрожали.

Не от страха.

От пустого ресурса.

Я лёг и дал телу работать.

Сначала ничего красивого не происходило.

Боль не исчезла.

Кость не щёлкнула на место чудесным образом.

Таз не собрался за минуту.

Организм распределял материал туда, где он был нужнее всего. Я чувствовал это как изменения давления и температуры. Правая голень нагрелась. Вокруг перелома появилось плотное распирающее. Временная муфта утолщалась, но внутренние поверхности костей ещё только начинали связываться.

Рёбра стали болеть иначе.

Не меньше.

Тупее.

Соединительная ткань собирала повреждённые участки, чтобы они меньше двигались на вдохе.

Таз организм просто стянул ещё сильнее.

Это было неприятно. Мышцы вокруг сустава напряглись настолько, что правое бедро почти перестало двигаться. Зато разрушенные участки не гуляли при каждом повороте.

Левый корень зудел у основания.

Там шёл ремонт.

Медленный.

Правый — нет.

Культи оставалась культёй.

Организм закрыл сосуды, уплотнил оболочку, начал перестраивать нервные окончания. Никакого длинного нового отростка. И это было правильно. Отрастить полную рабочую структуру из воздуха можно только в очень плохой сказке.

Мне нужны были вода, белок, минералы и дни.

Может, больше.

Я закрыл глаза.

Не спал.

Слушал.

Сначала собственное тело.

Сердце.

Дыхание.

Редкие сокращения кишечника.

Мелкую дрожь мышц в левой ноге.

Потом камень.

Ладонь лежала на полу ниши.

Контактная чувствительность работала даже сейчас, хотя хуже из-за усталости. Пол передавал далёкие движения. Иногда где-то внизу проходило крупное существо. Иногда по стенам шла слабая дрожь, похожая на движение воды. Иногда древний материал отвечал коротким сухим щелчком.

Город не был мёртвым.

Это я уже знал.

Но сейчас впервые лежал достаточно долго, чтобы услышать не отдельное событие, а фон.

Он был неприятно живым.

Через какое-то время я всё-таки уснул.

Ненадолго.

Разбудила боль в правом боку.

Я дёрнулся, сразу получил ответ от рёбер и окончательно проснулся.

Ниша осталась той же.

Вход частично открыт.

Снаружи темно.

Никто не пытался меня есть.

Прекрасный результат.

Я проверил приёмник.

Шум.

Очень слабый.

Ничего больше.

Выключил.

Глупая привычка.

Но она оставалась одной из немногих вещей, которые связывали меня с людьми хоть физически. Не сигналом. Просто предметом, который сделали там.

Я убрал его обратно.

Есть хотелось сильнее.

Это хорошо.

Голод означает, что организм ещё считает будущее оправданной тратой ресурсов.

Я снова пополз к туше.

На этот раз решил не возвращаться с каждым куском. Выбрал участок рядом с задней конечностью Гранитника и сделал небольшой запас чистого мяса прямо у входа в нишу.

Пришлось работать долго.

Двигаться на руках.

Подтаскивать куски левым корнем.

Следить, чтобы не сорвать основание.

Правую ногу я вообще не использовал.

Через несколько заходов стало понятно, что даже такое движение медленно ухудшает таз.

Боль смещалась глубже.

Я остановился.

Хватит.

Победа над Гранитником не дала мне право вести себя так, будто он меня не сломал.

Это было неприятное признание.

Я слишком привык к одному правилу: если ещё можешь двигаться, двигайся.

Когда-то оно спасало.

Потом стало привычкой.

Потом почти характером.

Лежать казалось бездействием.

Хотя сейчас именно лежание было работой.

Организм собирал меня обратно.

Каждый лишний рывок заставлял его сначала чинить то, что я снова испортил.

— Умно.

Я сказал это себе.

Сарказм не помог.

Пришлось послушаться.

Я устроил ногу лучше. Нашёл две длинные тонкие пластины в мусоре у входа, проверил на прочность и уложил по бокам голени. Притянул полосами ткани.

Не шина в человеческом смысле.

Снаружи кость уже держала мягкая внутренняя муфта. Пластины просто не позволяли ноге случайно провернуться, если я усну и дёрнусь.

С рёбрами сложнее.

Я обмотал грудь тканью, но не туго. Полностью фиксировать дыхание — плохая идея. Задача была только напоминать телу не делать слишком глубоких движений.

Таз.

Здесь пришлось импровизировать.

Под правый бок подложил клиновидный обломок древнего материала, сверху ткань. Когда лежал полусидя, он удерживал бедро в положении, где суставные поверхности меньше смещались.

Удобно не стало.

Стало правильно.

Иногда этого достаточно.

Левый корень я уложил вдоль тела. У основания сделал мягкое кольцо из ткани, чтобы случайно не прижать его собственным весом.

Правую культю осмотрел отдельно.

Кожа уже закрылась почти полностью. Там, где раньше выходил корень, поверхность стала плотной и тёмной. Под ней чувствовалось короткое основание — живая ткань, не мёртвый рубец.

Сохранено.

Не восстановлено.

Я провёл пальцем по краю.

Организм отреагировал коротким импульсом чувствительности.

— Потом.

Никаких возражений.

Следующие часы превратились в очень скучную войну с собственным нетерпением.

Ел.

Пил то, что мог выжать из тканей Гранитника.

Спал по десять, двадцать, иногда тридцать минут.

Просыпался от боли.

Проверял вход.

Слушал камень.

Снова ел.

В какой-то момент заметил, что правое бедро перестало дёргаться при каждом вдохе. Связи между тазом и окружающими мышцами стали плотнее. Это не означало, что можно ходить. Но хотя бы лежать стало проще.

Рёбра тоже стабилизировались.

Один глубокий вдох всё ещё отдавал острым краем.

Я не делал глубоких.

Голень держалась.

Внутри муфты шла работа. Кость зудела глубоко, почти недоступно.

Самым неприятным оказался левый корень.

Он был нужен даже для простого перемещения, а именно его сейчас требовалось беречь. Организм закрывал надрывы волокно за волокном. При попытке напрячь сильнее возникала резкая боль.

Я перестал проверять.

Снаружи несколько раз проходило что-то небольшое.

Ладонь на полу давала быстрые лёгкие шаги. Существо остановилось у туши Гранитника, возилось там минуту, потом ушло.

Я не выползал.

Мяса достаточно.

Драться за каждую калорию в моём состоянии — отличный способ стать калорией самому.

Позже пришло что-то крупнее.

Пол передал тяжёлый ритм.

Я напрягся.

Когти вышли.

Кислота почти пустая.

Энергия почти пустая.

Левый корень повреждён.

План боя выглядел великолепно.

Движение прошло по дальней стороне зала. Не приблизилось.

Я убрал когти.

Сердце ещё некоторое время было быстрее.

Это тоже ресурс.

Организм тратит его даже на страх.

Я начал различать запахи у входа.

Свежая кровь Гранитника.

Старая моя.

Влажный камень.

Чёрная ткань.

И ещё один.

Холодная вода.

Где-то рядом.

Немного. Возможно, тот самый канал под платформой, который я использовал в бою.

Добраться туда сейчас?

Нет.

Я даже не стал спорить с собой.

Если вода не течёт прямо в рот, значит, пока она может подождать.

Смешно.

Раньше я бы полез.

Именно поэтому у меня, наверное, до сих пор было достаточно частей тела, чтобы спорить.

До следующего пробуждения прошло больше времени.

Я понял это по мясу у входа. Верхний срез успел подсохнуть, кровь на камне потемнела, а мышцы перестали дрожать от каждого движения. Света снаружи не прибавилось. Здесь вообще было трудно измерять время чем-то кроме собственного состояния.

Голод вернулся первым.

Потом жажда.

Я сжал один из тканевых мешков Гранитника, которые принёс раньше. На ладонь выступило несколько капель мутной жидкости. Фильтрация пропустила их после короткой задержки. Вкус был отвратительным, но организм забрал воду слишком быстро, чтобы я мог изображать гурмана.

Запаса этого не хватит.

Я всё-таки решил проверить ближайший водный след.

Не идти.

Ползти.

Сначала положил ладонь на камень и долго слушал. Крупных шагов рядом не было. Мелкая жизнь двигалась где-то у туши. Чёрный тяж на дальней стене сокращался редко, и тогда я ещё не пытался связывать эти движения в систему.

Я убрал внешний фиксатор с голени, проверил внутреннюю муфту и вернул пластины на место. Кость держалась лучше, чем несколько часов назад, но при попытке поднять стопу весом самой ноги внутри прошла тянущая боль.

Работа идёт.

Не закончена.

Левый корень выпустил на длину предплечья.

Больше не надо.

Опёрся на руки и пополз.

Каждый метр превращался в отдельную инженерную задачу. Не задеть таз. Не зацепить правую ногу. Не перенести слишком много веса на левый корень. Не вдохнуть слишком глубоко, когда корпус приходится поднимать через обломок.

Очень героично.

Если когда-нибудь кто-нибудь захочет написать песню о моих приключениях, эту часть лучше пропустить.

Я добрался до разрушенного края платформы. Вода действительно была рядом. Тонкая струя стекала по треснувшему желобу после боя и уходила в щель между плитами.

Пить сразу не стал.

Сначала осмотрел.

На поверхности плавала серая пыль. Чёрных нитей не видел. Запах биомассы присутствовал в воздухе везде, поэтому нос здесь почти бесполезен.

Я коснулся воды самым кончиком когтя.

Ничего.

Каплю на палец.

Фильтрация напряглась.

Следовые продукты.

Не живое заражение, по крайней мере по первой реакции.

Я подождал.

Кожа не потемнела. Жжения нет. Токсикологическая ветка начала связывать что-то в капле и довольно быстро успокоилась.

Следовая грязь.

Можно пить после собственной обработки, но лучше не много.

Я собрал воду в маленькую складку ткани, дал осесть пыли, затем пил буквально по глотку. Слизистая во рту ожила почти сразу. Давление в голове стало ровнее.

Организм хотел ещё.

— Не налей.

Я набрал сколько смог в сохранённый мешок из плотной ткани Гранитника. Не сосуд, но несколько глотков удерживал.

Возвращение оказалось хуже.

На половине пути я зацепил правой пяткой край обломка.

Нога провернулась совсем немного.

Этого хватило.

Белая боль прошла от голени до таза. Я прикусил язык и замер, пока мышцы не перестали пытаться одновременно сжаться во всех направлениях.

Никаких новых повреждений.

Кажется.

Очень хотелось проверить.

Не стал.

Организм сам показывал достаточно.

Я добрался до ниши, положил ногу ровно и несколько минут просто смотрел в стену.

Терпение.

Когда-то я считал его чем-то вроде отсутствия действия.

Оказалось, это способность не ломать собственный план только потому, что тебе скучно.

Полезнее многих мутаций.

Я выпил половину принесённой воды. Вторую оставил.

Потом поел.

Белок пошёл в ремонт заметно быстрее.

В голени снова появилось тепло. Таз отвечал тупой болью. Рёбра тянуло на вдохе.

Левый корень после ползания стал хуже.

Я выругался.

Не громко.

Смысл ругаться на ткань, которую сам перегрузил.
Пришлось уменьшить движение ещё сильнее.
Я начал разбирать нишу, не вставая.
Мелкий мусор можно было сдвигать рукой. Несколько острых обломков выкинул наружу.
Под одной плитой нашёл сухую минеральную крошку. Организм отреагировал интересом.
Не еда.
Материал.
Я попробовал крупинку.
Кальций, соли, несколько металлоподобных соединений. Часть пригодна.
Я собрал небольшой комок отдельно.
Смешал с влажным мясом Гранитника.
Вкус стал ещё хуже.
Зато кость получила то, чего ей не хватало.
Через некоторое время внутри костяного магазина тоже появилась слабая активность. Не готовое шило. Просто организм перестал считать резерв полностью пустым.
Хорошо.
Оружие потом.
Сначала возможность стоять.
У входа появился маленький падальщик.
Я заметил его по шагам раньше, чем увидел.
Низкое тело размером с мою ладонь. Много коротких лап. Голова почти не отделялась от корпуса. Существо подошло к полосе крови Гранитника и начало соскребать засохшую плёнку.
Не заражённое на вид.
Чёрных нитей нет.
Я не двигался.
Падальщик ел.
Потом остановился и повернулся к нише.
У него было четыре маленьких светлых пятна вместо нормальных глаз.
Я показал когти.
Не угрожал.
Просто информировал.
Существо несколько секунд стояло, затем вернулось к крови.
— Вот и договорились.
Оно съело совсем немного и ушло в трещину.
Через час пришло ещё два.
Экосистема быстро замечала бесплатную тушу.
Это было полезно.
Если мелкая чистая фауна спокойно кормится здесь, значит, по крайней мере прямо сейчас поверхность туши не вся заражена активной чёрной тканью.
Не доказательство безопасности.
Наблюдение.
Я продолжил отделять чистые куски дальше от тех мест, где видел чёрные прожилки. Всё сомнительное оставлял.
Один раз заметил, как тонкая тёмная нить на краю вскрытой мышцы медленно вытянулась на несколько миллиметров.
Я замер.
Живая.
Когтем срезал весь участок с большим запасом и отбросил на мокрый камень.
Нить дёрнулась.

Маленькая.
Почти смешная.
Но я уже знал, что бывает, если дать ей время.
Кислоты жалко.
Я всё равно выдавил каплю.
Чёрная ткань вспучилась и начала распадаться.
Запас железа отозвался пустотой.
Почти всё.
— Дорого.
Но дешевле нового заражения.
Срезанный кусок перестал двигаться. Я подтолкнул его подальше древним обломком.
После этого ещё раз проверил все запасы мяса.
Два куса выбросил просто потому, что не понравилась поверхность.
Жадность опять возмутилась.
Я пережил.
В какой-то момент обнаружил ещё одно изменение после Гранитника.
Не новое.
Просто более заметное сейчас, когда я был вынужден двигаться очень медленно.
Левый корень мог делать отдельные участки жёстче без того, чтобы напрягать всю длину.
Раньше такое тоже получалось, но грубее: либо тянуть, либо расслаблять. Теперь короткий сегмент у конца становился почти твёрдым, пока основание оставалось мягким.
Я использовал это, чтобы подцепить мешок с водой, не нагружая надрыв.
Работало.
Мелочь.
Очень своевременная.
Правый корень на это не реагировал.
Я попробовал только раз.
Культи напряглась у основания, внутри появилось давление, и всё.
Никакого сантиметра чудесного роста.
Я прекратил.
Потом.
Сначала левый.
Потом нога.
Потом всё остальное.
Порядок ремонта важнее желания снова иметь привычный набор инструментов.
Я проверил записи на пластинах.
Не потому, что сейчас мог что-то исследовать.
Чтобы убедиться, что не потерял.
Символы арок.
Мои маршрутные отметки.
Группы знаков с водных узлов.
Всё осталось.
Я провёл пальцем по одной из царапин.
Где-то наверху была база.
Ещё выше — путь назад.
Ещё дальше — город с людьми.
Тридцать один.
Они не знали, где я сейчас.
И хорошо.

Если бы знали, кто-нибудь мог решить, что меня надо спасать.
Мысль оказалась неожиданно неприятной.
Не потому, что я не хотел видеть людей.
Потому что видел нижний сектор.
Любой отряд сюда — мясо.
Даже если дойдёт.
Я убрал пластину.
Приёмник не включал.
Нечего слушать.
Вместо этого положил ладонь на стену ниши.
Камень передавал город.
Слабее пола, но чище.
Далёкие шаги.
Движение жидкости.
Редкий удар механизма.
Потом ещё один странный толчок.
Я сосчитал промежуток.
Не специально.
Просто мозг делает это, когда слишком долго лежишь без дела.
Следующего долго не было.
Я перестал ждать.
Через несколько минут толчок пришёл снова.
Похожий.
Но я всё ещё не был уверен, что это один источник.
Город огромный.
Механизмы могут работать с одинаковым ритмом.
Вода может проходить через одинаковые клапаны.
Животные могут повторять движение.
Я не собирался объявлять весь комплекс одним организмом по двум дрожаниям.
Пока.
Тело тем временем продолжало ремонт.
Я осторожно надавил на правое бедро.
Снаружи боль умеренная.
Глубже — сильнее.
Таз уже не смещался от простого поворота корпуса.
Хорошо.
Голень.
Внутренняя муфта стала твёрже по краям. Между обломками ещё оставался участок, который не был нормальной костью.
Очень далеко до «готово».
Рёбра.
Одно уже почти не двигалось. Два других ещё отзывались.
Левый корень.
Меньше жара.
Правый.
Живое основание, короткое, закрытое.
Такой список мог бы раздражать.
Меня почему-то успокоил.
Всё было конкретным.

Не «я сломан».
Нога. Таз. Рёбра. Два разных повреждения корней. Низкий ресурс.
Конкретную проблему можно чинить.
Я съел ещё немного мяса.
Запил водой.
Закрыв глаза.
И впервые за долгое время не заставил себя проверить, могу ли уже встать.
Это оказалось сложнее, чем любой рывок.
Но я не встал.
Я снова уснул.
На этот раз сон оказался глубже.
Проснулся от ощущения, которое сначала принял за собственный пульс.
Медленный толчок.
Пауза.
Ещё.
Я открыл глаза.
Сердце билось быстрее.
Толчок повторился.
Не внутри.
Под ладонью.
Я замер.
Пол ниши едва ощутимо дрожал.
Один импульс.
Пауза.
Второй.
Очень слабый.
Потом ничего.
Я положил вторую ладонь рядом.
Контактная чувствительность разделила собственные движения и внешний сигнал.
Тишина.
Через некоторое время — снова.
Медленное сокращение.
Не шаг.
Шаг имеет начало, перенос массы, второй контакт.
Не вода.
Вода даёт постоянную мелкую дрожь.
Это было похоже на то, что я уже ощущал возле чёрных наростов выше.
Пульс.
Я осторожно поднялся на локте и посмотрел к выходу.
На дальней стене зала проходил тонкий чёрный тяж.
Слишком далеко, чтобы хорошо видеть детали.
Я подождал.
Тяж едва заметно сжался.
Почти одновременно пол под ладонью дал тот же импульс.
Пауза.
Ещё один.
Я перевёл взгляд ниже.
На другой стене, дальше, лежало отдельное чёрное пятно.
Оно тоже дрогнуло.

Не точно одновременно.
Или мне так показалось.
Я не делал выводов.
Пока.
Лёг обратно.
Через несколько минут импульс повторился.
На этот раз я уже ждал.
Тяж на стене сократился.
Пол ответил.
Где-то глубже прошла ещё одна слабая волна.
Я смотрел в темноту и впервые за всё время после боя перестал думать о собственной ноге.
Что-то внизу работало в ритме.
И после смерти Гранитника этот ритм никуда не исчез.

Глава 2 — Ритм

Ритм повторился, а я не двигался.

Один медленный толчок прошёл по полу, затем второй. Между ними было достаточно времени, чтобы принять первый за случайность. Потом наступила длинная пауза.

Я считал не секунды, а удары сердца. Это было неточно, но мне пока и не нужна была точность.

Следующий импульс пришёл почти через тот же промежуток.

Чёрный тяж на дальней стене сократился.

Я видел это уже лучше, потому что знал, куда смотреть. Нарост не прыгал и не извивался. Просто становился чуть короче и толще, будто внутри него проходило давление. Через мгновение дрожь доходила до пола.

Или наоборот.

Я пока не знал, что было первым.

Я переставил ладонь на боковую стену ниши.

Сигнал стал слабее.

На пол.

Сильнее.

Значит, либо источник ниже, либо пол лучше проводит.

Очень полезный выбор из двух неизвестных.

Я дождался ещё трёх циклов.

Промежутки были похожи, но не идеально одинаковы.

Живое.

Или старый механизм с плохой стабильностью.

Оба варианта нравились мне одинаково мало.

Я осторожно вытянул левый корень наружу на полметра и положил кончик на пол у входа.

Контактная ветка дала второй канал.

Ладонь чувствовала общую дрожь.

Корень — более локальный отклик в камне.

Когда пришёл следующий импульс, оба получили его почти одновременно.

Почти.

Разница была слишком маленькой, чтобы что-то измерить без приборов.

Но сигнал точно шёл не только через моё тело.

Спасибо.

Это уже факт.

Я убрал корень.

Основание отозвалось тупой болью.

Рано.

Пришлось снова лежать.

Ненавижу исследования, которые требуют не вставать.

Хотя технически это самый удобный вид науки.

Я съел немного мяса Гранитника и выпил оставшуюся воду.

Организм забрал всё без остатка.

Жажда ушла ненадолго.

Энергетический орган под рёбрами всё ещё ощущался почти пустым. Восстановление шло, но медленно. Я не давал контактных импульсов и не включал перегрузку. Даже собственный свет держал минимальным.

Тратить запас на красивое освещение было бы странно.

Чёрная ткань сама иногда давала достаточно отражения из глубины.

Я не понимал источник этого слабого света. Где-то ниже могли оставаться старые кристаллические элементы. Могла отражаться вода. Могло быть что угодно.

Неважно.

Пока.

Я снова коснулся пола.

Импульс.

Пауза.

Импульс.

На этот раз где-то справа ответил тихий щелчок.

Механический.

Я повернул голову.

За пределами ниши стояла одна из разрушенных рам. Под ней проходила старая направляющая. Щелчок мог быть просто остаточным движением после боя.

Следующий цикл.

Тот же щелчок.

Чуть тише.

Интересно.

Я мысленно добавил ещё одну точку.

Чёрный тяж на стене.

Дрожь пола.

Старая направляющая.

Один ритм?

Проверять нужно ближе.

Не сейчас.

Сначала вода.

Я ждал, пока тело восстановит хотя бы немного сил.

Это заняло достаточно времени, чтобы успеть дважды уснуть и один раз проснуться от того, что мелкий падальщик попытался утащить кусок мяса прямо от входа.

Я открыл глаза.

Он замер.

Кусок был почти его размера.

Я смотрел.

Он смотрел.

Потом очень медленно потянул мясо дальше.

— Серьёзно?

Падальщик ускорился.

Я мог дотянуться корнем.

Не стал.

— Забирай.

Он исчез между обломками.

Налоги местной экосистеме.

Остальное мясо я передвинул глубже.

При этом заметил, что могу немного сгибать правое бедро без ощущения, будто таз сейчас разойдётся.

Мало.

Несколько сантиметров.

Но вчера такого не было.

Я проверил осторожно: пальцы стопы работали, колено двигалось, голень держалась внутри фиксации. На тазе пришла боль, и я сразу остановился. Этого хватало; превращать каждый процент восстановления в экзамен на разрушение не стоило.

Левый корень тоже стал лучше. Я мог напрячь конец, не чувствуя острой боли у основания. Длинная силовая тяга всё ещё запрещена здравым смыслом.

Правый корень оставался коротким. Основание культи стало плотнее, под кожей формировалась нормальная оболочка, нервные окончания перестали давать фантомные дёрганья каждые несколько минут. Длина пока не возвращалась. Меня это почти устраивало.

Я собрался к воде.

На этот раз использовал более разумный маршрут.

Не полз прямо через мусор, а сначала расчистил от ниши к желобу узкую полосу пола. Сдвигал только мелкие обломки. Большие обходил. Работал руками, коротким левым корнем и ногой только там, где не требовалось переносить вес.

Получилась дорожка для инвалида-мутанта.

Очень специализированная инфраструктура.

Вода всё ещё стекала.

Слабее.

Это плохо.

Я набрал больше, чем в прошлый раз.

Проверка дала те же следовые продукты, но без активной реакции ткани. Фильтрация справлялась.

Я наполнил два импровизированных мешка.

Один оставил у желоба в нише между плитами.

Второй потащил к убежищу.

Так безопаснее.

Если разолью один — не останусь совсем без воды.

Возвращаясь, заметил чёрную нить на нижней стороне разбитой рамы.

Раньше её там не видел.

Тонкая.

С палец.

Она шла от дальнего пятна по шву древнего материала и заканчивалась примерно в трёх метрах от моей дорожки.

Я остановился.

Не приближался.

Просто смотрел.

Нить была неподвижна.

Следующий общий импульс пришёл через пол.

Нить сократилась.

Совсем немного.

Точно в тот же момент, что и тяж дальше.

Вот теперь стало интереснее.

Две отдельные части чёрной ткани.

Разные стены.

Один ритм.

Я остался на месте ещё на два цикла.

Совпало.

Третий.

Совпало.

Не доказательство единой сети.

Но уже хорошая причина не считать каждое пятно отдельным случайным наростом.
Я вернулся в нишу.
Сел.
Записать было нечего.
Что я нацарапаю?
«Чёрное двигается одновременно».
Гениальная археология.
Но я всё равно достал мягкую серую пластину и сделал свою простую отметку: две короткие линии рядом, затем одну длинную, обозначающую общий ритм. Не древний символ. Мой.
Чтобы потом не убедить себя, что я это только помнил.
Рядом поставил маленькую царапину в форме развилки.
Две точки наблюдения.
Если найду третью — добавлю.
Пластина постепенно становилась картой того, как я не понимаю город.
Удобно.
Я поел.
Лёг.
Слушал.
Ритм продолжался.
Через некоторое время изменился.
Не исчез.
Промежуток между двумя импульсами стал короче.
Я сразу открыл глаза.
Первый.
Второй.
Пауза.
Снова.
Раньше между сокращениями было больше.
Я дождался пяти циклов.
Изменение сохранялось.
Почему?
Гранитник умер давно.
Если это реакция на его смерть, почему не сразу?
Может, ритм вообще менялся постоянно.
Может, я просто начал наблюдать в момент перехода.
Может, по нижнему сектору прошёл крупный зверь и дал другую вибрацию.
Я не знал.
Мне нужна была контрольная точка, не связанная напрямую с чёрной тканью.
Старая направляющая.
Я дополз до неё.
Нет.
Сначала почти встал.
Это произошло случайно.
Я опёрся на левую ногу, обе руки и короткий участок корня, чтобы перелезть через низкий обломок. Правая нога висела без нагрузки. Корпус поднялся.
И остался.
Я замер.
Стою.
Криво.

На трёх точках.
Но стою.
Таз справа держался, пока я не переносил туда вес.
Рёбра тянуло.
Голова закружилась от вертикального положения сильнее, чем хотелось.
Я сразу сел обратно.
— Уже достижение.
Я вернулся к ползанию.
У направляющей поверхность была чище. Чёрный нарост проходил по дальней стене, но до самой механики не доходил.
Я положил ладонь на тёмный древний материал.
Ждал.
Импульс пришёл очень чисто.
Сначала слабая дрожь снизу.
Потом короткое механическое смещение внутри направляющей.
Щелчок.
То есть механизм не создавал ритм.
Он на него отвечал.
Скорее всего.
Я передвинул ладонь дальше.
Внутри старой конструкции шёл продольный элемент. Возможно, тяга или ось. Каждый внешний толчок немного передавал на неё нагрузку.
Чёрная ткань где-то давила на механизм?
Вода?
Движение пола?
Нужны данные.
Я заметил боковую техническую нишу рядом.
Крышка наполовину сорвана в бою.
Под ней две параллельные тяги и круглая втулка.
Не трогал.
Просто положил пальцы на корпус.
Следующий цикл.
Одна тяга едва дёрнулась.
Вторая — нет.
Механика всё ещё связана с чем-то дальше.
Я убрал руку.
Соблазн проверить рычагом был сильным.
Не сейчас.
С моим ресурсом запуск неизвестного механизма может превратить исследование в очень короткую главу.
Я вернулся.
На пути сделал третью точку наблюдения.
Небольшой чёрный нарост у водного желоба.
Не тот, который касался воды. Он лежал на стене выше.
Импульс.
Сокращение.
Совпало.
Три.
Я добавил третью царапину на пластину.

Теперь рабочая гипотеза выглядела лучше.

Отдельные чёрные участки, физически не соединённые на поверхности, реагируют в одном ритме.

Это не означает, что под камнем они действительно разделены.

Могут быть связаны внутри стен.

Могут идти по водным каналам.

Могут передавать электрический сигнал.

Механическую волну.

Химию.

Что угодно.

Но «случайно живущие пятна» становилось слабой версией.

Я выпил воды.

Глаза закрывались.

Организм явно предпочитал тратить время на ремонт, а не на мои научные амбиции.

Пришлось спать.

Сон снова рвался на куски.

Первый — короткий.

Разбудил шум у туши.

Что-то крупнее мелких падальщиков рвало мясо.

Я не вышел.

Второй — глубже.

Приснился город.

Не этот.

Тот, где остались люди.

Ничего драматичного.

Я просто шёл по улице, а никто не смотрел на мои руки.

Потом понял, что рук нет вообще.

Проснулся.

— Спасибо.

Проверил.

Руки на месте.

Когти тоже.

Правый корень — нет.

Мозг иногда очень тонко работает.

Я перевернулся.

Рёбра позволили.

Это было приятнее сна.

Третье пробуждение оказалось полезным.

В голени впервые появилась не только муфта вокруг перелома, но и ощущение внутренней связности. Я осторожно напряг мышцы стопы. Обломки больше не отзывались отдельными движениями.

Сращение началось нормально.

Ещё далеко до нагрузки.

Но теперь кость была одной ремонтируемой системой, а не двумя кусками в упаковке.

Таз тоже стал устойчивее.

Организм нарастил вокруг повреждённых зон плотные короткие связки. Они ограничили движение сильнее прежнего.

Временно.

Если оставить так навсегда, я буду хромать.

Сейчас хромота — роскошь.
Сначала целостность.
Левый корень можно было выпустить уже почти на метр без боли, если не тянуть.
Правое основание начало формировать маленький плотный конус под кожей.
Я провёл пальцем.
Рост?
Нет.
Скорее подготовка правильной точки.
Организм не строил длину. Укреплял то, что осталось.
Хорошо.
Я съел ещё мяса.
Туша снаружи постепенно становилась общественной столовой.
По вибрации там двигалось много мелкой жизни.
Один раз пришло что-то тяжёлое.
Не как Гранитник.
Меньше.
Оно долго возилось у края туши, потом ушло.
Я ждал ещё минут десять.
Только после этого выполз за новой порцией.
У туши стало заметно хуже.
Несколько участков были обглоданы.
На одном появилась тонкая чёрная плёнка.
Не изнутри мяса.
Она пришла с пола.
Точно.
Вчера этого участка не было.
Я не приблизился.
Выбрал другую сторону.
Чистое мясо ещё оставалось.
Отрезал.
Потом увидел линию на камне.
Чёрная нить шла от старого шва к краю крови.
Очень тонкая.
Она не двигалась непрерывно.
Но после общего импульса кончик сместился.
На миллиметр.
Может, меньше.
Я застыл.
Следующий цикл.
Ещё.
Не рост за секунды.
Скорее сокращение и расслабление, которое постепенно тянуло ткань вперёд.
К крови.
Или к влаге.
Или просто вдоль шва.
Я не знал.
Но тушу скоро придётся оставить.
Чистый ресурс рядом постепенно становился сомнительным.
Это меняло сроки.

Мне нужно достаточно восстановиться, чтобы уйти из открытого зала до того, как чёрная ткань займёт всё мясо.

Не сегодня.

Но лежать неделю тоже не получится.

Я вернулся с порцией.

На этот раз закрыл вход сильнее.

Обломок транспортной пластины можно было подтянуть левым корнем, если сделать жёстким только кончик и не тянуть основанием резко.

Я проверил.

Получилось.

Пластина закрыла нижнюю половину прохода.

Сверху оставалась щель.

Для воздуха.

И для того, чтобы видеть зал.

Если придётся выходить быстро, я смогу сдвинуть её рукой.

Ниша стала чуть больше похожа на укрытие.

Я расчистил дальний угол.

Под пылью обнаружили три узких канавки в полу.

Не естественные.

Одинаковые.

Одна уходила к стене, две — к выходу.

Возможно, старый сток.

Я провёл пальцем.

Сухо.

Чёрного налёта нет.

Хорошо.

Если сюда придёт вода, это будет отдельная проблема.

Я перенёс мясо выше на плоскую плиту.

Воду поставил рядом.

Записи — под руку.

Приёмник — под грудную пластину.

Получилось почти бытовое устройство.

Дом.

Если очень не уважать слово «дом».

Я сел у стены.

Положил обе ладони на разные поверхности.

Левая — пол.

Правая — боковая стена.

Следующий импульс.

Пол сильнее.

Стена слабее.

Потом далёкое сокращение на чёрной нити у рамы.

Я смотрел.

Снова.

Совпало.

Потом неожиданно в глубине прошла более сильная волна.

Не один толчок.

Целая серия мелких сокращений.

Чёрный тяж на дальней стене дёрнулся заметнее.

Нить у туши тоже.
Механическая направляющая щёлкнула дважды.
Я напрягся.
Что изменилось?
Никакого крупного движения рядом.
Я не трогал сеть.
Не запускал механизм.
Может, что-то произошло ниже.
Гранитник?
Мёртв.
Я проверил вибрацией тушу на расстоянии.
Ничего.
Никаких сокращений крупного тела.
Значит, ритм существовал независимо от него.
Это уже было полезным выводом.
Он мог быть связан с заражением.
Гранитник был заражён частично.
После его смерти система не умерла.
Более того, сейчас её общий рисунок менялся.
Связь?
Возможно.
Я не имел права идти дальше.
Пока только: разные чёрные участки дают согласованные сокращения. Механика
местами реагирует на них. Гранитник не был единственным источником этого движения.
Всё.
Я нацарапал рядом с тремя линиями маленький крест.
Не перевод.
Моя отметка: зверь исключён как единственный источник.
Потом убрал пластину.
Иногда знание выглядит очень скромно.
Несколько царапин на сером куске.
Зато не врёт.
Я решил проверить географию сигнала.
Недалеко.
Только по краям зала.
Состояние позволяло немного больше.
Я поднялся с помощью левой ноги и рук.
Правую держал в воздухе.
Левый корень упёрся концом в стену.
Стоял.
Голова не кружилась.
Сделал один прыжок левой ногой.
Плохо.
Таз дёрнуло даже без нагрузки справа.
Нет.
Ходить так нельзя.
Я сел.
Другой вариант.
Опора на древний обломок как костыль.

Руки.
Левая нога.
Правой касаться пола только пяткой без веса.
Левый корень — страховка.
Получилось сделать два коротких шага.
Медленно.
Очень.
Но это уже не ползание.
Я вернулся сразу.
Не потому, что не мог третий.
Потому что мог.
Опасное состояние.
Когда можешь чуть-чуть, очень хочется доказать, что можешь много.
Я знал этот трюк собственного характера.
Сегодня не срабатывает.
Я снова лёг.
Ритм шёл.
Теперь я замечал его почти автоматически.
Иногда интервалы растягивались.
Иногда сокращались.
Но отдельные точки продолжали совпадать.
Через несколько часов я перестал считать.
Гипотеза держалась.
Я переключился на то, что можно проверить безопасно: связь с механическими каналами.
В стене ниши проходила одна древняя линия.
Я заметил её раньше как слабую пустоту.
Сейчас, когда лежал рядом, смог исследовать лучше.
Провёл пальцами.
Под поверхностью — тонкий прямой канал.
Не водный.
Сухой.
Внутри что-то плотное.
Я положил ладонь.
Импульс чёрной сети пришёл.
Внутренний элемент едва заметно отозвался.
Не двигался сам.
Передавал.
Я сместился на полметра вдоль стены.
То же.
Ещё.
Слабее.
Канал уходил к наружной стене зала.
Возможно, городская коммуникация.
Механическая.
Энергетическая.
Не знаю.
Но чёрный ритм использовал архитектуру как проводник, даже если не специально.
Это объясняло, почему я чувствовал импульсы в местах без видимого нароста.

Связь может быть не только через живую ткань.
Сеть могла лежать глубже в каналах.
Или просто давление от её сокращений распространялось по старым конструкциям.
Мне опять не хватало одного эксперимента.
Коснуться самой ткани.
Нет.
Это следующая степень глупости.
Я уже знал, что живой чёрный материал проникает в организм.
Частичная защита помогает.
Не останавливает полностью.
С моим состоянием проверять её ещё раз — прекрасная возможность добавить заражение к списку переломов.
Пока только наблюдение.
Я сказал это вслух.
— Пока только наблюдение.
Когда проговариваешь правило, нарушать его чуть стыднее.
Работает не всегда.
Но пусть будет.
Я снова уснул.
На этот раз без сна.
Проснулся от голода и более чистой головы.
Организм восстанавливал не только кости.
Энергетический резерв впервые перестал ощущаться абсолютно пустым. Где-то внутри появилась маленькая рабочая глубина.
Мало.
На сильный импульс всё равно не хватит без последствий.
Но свет можно держать дольше.
Кислотная железа тоже начала собирать секрет.
Совсем немного.
Костяной магазин получил минералы из крошки и мяса.
Готовых шил нет.
Система снова работает.
Это важно.
Пустой магазин не означает потерянную способность.
Я поел.
Запил.
Проверил ногу.
Ещё лучше.
Правую стопу можно было поставить на пол и дать ей только вес самой конечности.
Без массы тела.
Таз выдерживал осторожное сгибание.
Рёбра позволяли вдохнуть чуть глубже.
Левый корень — почти метр тонкой работы.
Правый — основание.
Перед тем как снова двигаться, я решил проверить ещё одну вещь.
Не сеть.
Себя.

Я уже слишком долго лежал в одном положении, и тело начинало адаптироваться к покою быстрее, чем мне нравилось. Мышцы левой ноги оставались сильными, но координация при подъёме стала хуже. Не повреждение. Просто несколько часов неправильной нагрузки.

Я сел у входа и поставил левую стопу ровно.

Медленно перенёс на неё часть веса.

Правую оставил вытянутой.

Таз держался.

Добавил руки.

Поднялся.

На этот раз без прыжка и без рывка.

Стоял почти минуту.

Потом начал дрожать левый квадрицепс.

Я сел раньше, чем он отказал.

Хорошо.

Не победа.

Контроль.

Я снова проверил правую голень пальцами через внешнюю фиксацию. Отёк стал меньше. Внутренняя муфта плотнее. Под ней кость ещё не была готова к настоящей нагрузке, но организм уже не держал всю область в аварийном спазме.

Таз оставался главной проблемой.

Рёбра — второй.

Корни — отдельной статьёй.

Я мог восстановить ногу быстрее, если бы съел больше.

Мог съесть больше, если бы чаще ползал к туше.

Мог чаще ползать, если бы нога была лучше.

Очень красивая замкнутая система.

Пришлось экономить движение.

Я подтянул ближе ещё один кусок мяса, который оставил у входа, и разделил его на маленькие порции. Не потому, что так вкуснее. Большой объём пищи сейчас заставлял организм тратить слишком много крови на пищеварение и делал меня сонным.

Маленькая порция.

Вода.

Пауза.

Ещё.

Так ремонт шёл ровнее.

Пока ел, наблюдал за чёрной нитью у туши.

Она росла не непрерывно.

Иногда час ничего не менялось.

Потом после нескольких общих импульсов край оказывался чуть дальше.

Я начал отмечать положение маленькими царапинами на древнем камне рядом.

Не на самой ткани.

На безопасном расстоянии.

Первая отметка.

Через несколько циклов вторая.

Смещение действительно было.

Медленное.

Но реальное.

Значит, чёрная масса не просто сокращалась.

Она меняла границу.

Я посмотрел на собственную нишу.
Расстояние пока большое.
Но слово «пока» становилось главным.
Второй вывод: убежище временное.
Это и раньше было очевидно.
Теперь появилось измерение.
Если сеть двигается к крови и влажной ткани, туша Гранитника будет постепенно становиться центром проблемы.
Моё убежище находилось слишком близко.
Я не мог уйти сейчас.
Значит, должен восстановиться быстрее, чем нарост доберётся сюда.
Наконец нормальная мотивация лежать.
Я усмехнулся.
В следующем цикле общий импульс пришёл сильнее.
Не намного.
Но сразу три наблюдаемые точки сократились заметнее.
Я положил ладонь на пол.
В глубине прошла волна.
Потом ещё одна.
И через несколько секунд с дальней стороны зала послышался тяжёлый скрежет.
Я напрягся.
Что-то сдвинулось.
Не животное.
Слишком длинный звук.
Древняя конструкция.
Пол передал вторичную дрожь, которая быстро затихла.
Чёрный ритм снова стал обычным.
Получается, его сокращения иногда реально двигали старую механику.
Не обязательно намеренно.
Ткань могла просто тянуть то, вокруг чего выросла.
Но это означало, что город будет меняться сам по себе, пока я лежу.
Проход, который вчера был закрыт, завтра может открыться.
И наоборот.
Очень удобная карта.
Я добавил на пластину ещё одну собственную отметку.
Не символ древних.
Простой прямоугольник с короткой косой чертой.
Механика реагирует на общий импульс.
Смысл знал только я.
Этого хватало.
Я поймал себя на том, что уже называю это «общим импульсом».
Слишком рано.
Рабочее название.
Не факт.
Я мысленно поправил.
Наблюдаемый синхронный ритм.
Намного скучнее.
Значит, научнее.
Потом снова пришла мелкая фауна.

Два падальщика появились у края туши.
Один чистый.
На втором я заметил тёмное пятно у задней лапы.
Он двигался нормально.
Пятно могло быть грязью.
Могло быть заражением.
Я не стал проверять.
Через несколько минут чистый падальщик подошёл к чёрной нити слишком близко.
Коснулся усиком.
Отскочил.
Нить дёрнулась.
Существо убежало.
Второй остался у мяса.
Интересно.
Чистая местная фауна хотя бы иногда избегала активной ткани после контакта.
Инстинкт?
Раздражение?
Химический ожог?
Не знаю.
Но поведение могло помочь.
Если мелочь внезапно перестанет заходить в какой-то проход, лучше сначала посмотреть туда, а уже потом геройствовать.
Я запомнил.
Чёрная нить у туши тем временем не реагировала на моё присутствие на расстоянии.
Я махнул рукой.
Ничего.
Постучал пальцем по полу рядом с собой.
Ничего заметного.
Сильнее стучать не стал.
То, что она позже поползёт к нише после моего касания стены, я тогда ещё не знал.
Пока сеть выглядела равнодушной.
Это успокаивало меньше, чем должно было.
Я поел ещё.
Потом решил проверить температуру воды в желобе.
Не ради температуры.
Поток слабел, и мне нужно было понять, продолжает ли он приходить из глубины или просто стекают остатки после боя.
До желоба добрался уже не ползком.
Поставил левую ногу.
Опёрся двумя руками на стену.
Правую стопу касанием, без веса.
Левый корень коротко упёр в пол.
Шаг.
Пауза.
Ещё.
Это было медленнее старого ползания, зато таз двигался контролируемо.
У желоба я сел.
Вода холодная.
И главное — продолжала идти.

Очень слабая струя, но постоянная.
Хорошо.
Я набрал два мешка.
Пока сидел, пришёл очередной ритм.
Вода в желобе дрогнула.
Я увидел это глазами.
Не сильно.
Поверхность пошла мелкой волной.
Потом успокоилась.
Следующий цикл — снова.
Значит, импульс проходит и по водной системе.
Или стенки канала передают вибрацию воде.
Опять два объяснения.
Я не стал выбирать.
Вместо этого поставил мешок рядом и провёл пальцем по сухому краю желоба.
Чистый древний материал.
Под ним канал.
Чёрный нарост находился выше по стене, не касаясь воды напрямую.
Следующий импульс.
Канал отозвался.
Вот и всё.
Механическая передача уже объясняет наблюдение.
Не надо придумывать живую кровь города там, где хватает вибрации.
Я вернулся в нишу с водой.
Это маленькое уточнение почему-то подняло настроение.
Неправильная гипотеза, отброшенная вовремя, тоже результат.
Я лёг.
Нога горела от нагрузки, но не хуже прежнего.
Значит, дозу движения выбрал примерно правильно.
Через некоторое время боль успокоилась.
Я проверил голень.
Внутри ничего не сместилось.
Таз тоже.
Хорошо.
Следующий выход можно будет сделать чуть дальше.
Не сегодня.
Я начал понимать темп.
Старый человеческий подход всё ещё требовал: раз можешь — иди.
Новый организм предлагал другое: раз можешь — потратить ресурс так, чтобы завтра мог больше.
Очень раздражающая зрелость.
Но полезная.
Я закрыл глаза и слушал ритм ещё долго.
Он не исчезал.
И чем дольше я слушал, тем меньше походил на случайность.
Я решил расчистить ещё немного пространства у входа.
Не для комфорта.
Чтобы, если придётся уходить, не зацепить ногу.
Сдвинул два камня руками.

Третий мешал у стены.
Он был зажат между древней плитой и основанием опоры.
Я попытался поддеть его режущим элементом.
Не пошёл.
Тянуть сильнее не стал.
Провёл ладонью по соседней чистой стене, проверяя, есть ли за ней пустота.
Контактная чувствительность дала ровный плотный материал.
Потом — тонкий канал глубже.
Я нажал ладонью чуть сильнее.
Не энергию.
Просто механический контакт.
По стене прошла моя собственная вибрация.
Очень слабая.
Через мгновение далеко внизу ответил общий ритм.
Совпадение.
Наверное.
Я убрал руку.
Потом заметил движение.
У входа.
Тонкая чёрная нить, которую я видел раньше под рамой, теперь была ближе.
Не намного.
На несколько сантиметров.
Её конец лежал на чистом камне.
Я замер.
Нить сократилась в общем ритме.
Расслабилась.
Кончик сместился.
В сторону ниши.
Я не дышал несколько секунд.
Потом посмотрел на стену, которой только что касался.
Между ней и нитью не было видимой связи.
Только древний материал.
Следующий импульс.
Нить снова подтянулась.
Медленно.
Не атака.
Не бросок.
Просто рост или ползучее сокращение.
Но направление теперь было слишком неприятным, чтобы его игнорировать.
К моему укрытию.
Я убрал руку со стены.
Нить остановилась.
Следующий цикл прошёл.
Она сократилась на месте.
Ещё один.
Не приблизилась.
Я сидел абсолютно неподвижно.
Не доказательство.
Один случай.

Но достаточно, чтобы сон закончился.
Я посмотрел на чёрный кончик у входа.
Потом на собственную ладонь.
Похоже, наблюдение только что заметило меня в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.